

Типология и пути пленных в Византийской империи IX-XII вв.

В.А. Грозова

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Россия
E-mail: busina.go@yandex.ru

Аннотация. Войны Византийской империи привлекают пристальное внимание многих ученых, и лишь немногие исследования сосредотачивают внимание на положении пленнх – тех людей, которые в результате военных действий лишались свободы и были вынуждены находиться на вражеской территории. Установлена преемственность традиции обращения с пленными между Римской и Византийской империями. Автор предпринимает попытку типологизировать византийских пленнх на основании предшествующих исследований, где критериями являются статус пленного, условия захвата, и предлагает выделить новые категории, такие как почетные пленники и перебежчики. В рамках статьи автором были рассмотрены наиболее известные сюжеты с участием пленнх и установлены закономерности, которые предопределили различные условия их содержания и их дальнейшие судьбы, среди которых социальный статус пленника, его религиозная принадлежность и личное отношение правителей к пленным. Наиболее вероятными и распространенными практиками в отношении пленников были обмены и выкупы, дарование свободы и возможность ведения сельского хозяйства в отдаленных фемах, т.е. культурная ассимиляция, или служба при дворе императора в случае смены религии, либо служба в хозяйствах богатых семей и получение статуса раба. Автор приходит к выводу, что с X в. в византийском обществе наблюдается тенденция к более гуманному отношению к пленникам, и попыткам избегать массового порабощения и умерщвления тех, кто лишался свободы в результате военных

столкновений. В ходе исследования удалось выявить перспективы изучения плена как части военной антропологии.

Ключевые слова: Византийская империя, плен, военные трактаты, культурная ассимиляция, почетные пленники, обмен пленными, военная антропология, арабо-византийские войны, Абу Фирас, Анемас, Самона.

Copyright: © 2021 Грозова В.А. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа "Tractus aevorum" на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

Typology and ways of prisoners in the Byzantine Empire of the IX-XII centuries

Vera A. Grozova

Lobachevsky State University
23 Gagarin av., Nizhniy Novgorod, 603022, Russia
E-mail: busina.go@yandex.ru

Abstract. The wars of the Byzantine Empire attract the close attention of many scientists, and only a few studies focus on the situation of prisoners – people who were deprived of their freedom as a result of military actions and were forced to stay in enemy territory. The continuity of the tradition of the treatment of prisoners between the Roman and Byzantine Empires has been established. The author attempts to typologize the Byzantine prisoners based on previous studies, where the criteria were the status of the prisoner, the conditions of capture, and proposes to identify new categories, such as honorary prisoners and defectors. In the article, the author examined the most famous plots involving prisoners and established patterns that predetermined various conditions of their detention and future destinies, including social status, religious affiliation and personal attitude of the rulers to the prisoners. The most likely and widespread practices in relation to captives were exchanges and ransoms, the granting of freedom and the possibility of farming in remote femes, i.e. cultural assimilation or service at the court of the emperor in case of change of religion, or service on farms of rich families and obtaining the status of a slave.

The author concludes that since the 10th century there had been a tendency in Byzantine society towards a more humane attitude to prisoners, and attempts to avoid mass enslavement and killing of those who were deprived of their freedom as a result of military clashes. The study also revealed the prospects for studying captivity as part of military anthropology.

Keywords: Byzantine Empire, captivity, military treatises, cultural assimilation, honorary prisoners, prisoner exchange, military anthropology, Arab-Byzantine wars, Abu Firas, Anemas, Samona.

Введение

Изучение византийской истории по сей день остается популярным и перспективным направлением для гуманитарных исследований, но несмотря на уже сложившиеся как в отечественной, так и зарубежной историографии традиции изучения Византийской империи, до сих пор наука не обращалась к теме пленных, которые в результате военных кампаний теряли личную свободу и были вынуждены длительное время, а в некоторых случаях и пожизненно, находиться на территории Византии. Практика захвата в плен как неотъемлемая часть любой военной кампании является одним из важнейших аспектов изучения истории и военной антропологии, однако до настоящего момента в науке не было предпринято попыток систематизации существующих источниковых данных, которые с разных сторон раскрывали бы особенности византийского плена, его развитие в русле гуманистического направления, что является показателем *новизны* настоящей работы.

Пленение является «многофункциональной» практикой, которая позволяет узнавать стратегически важные сведения об армии и планах противника, заполучить предмет дипломатического торга, если речь идет о захвате высокопоставленных лиц, а также вывести часть задействованных войск противника из условного поля битвы. Поэтому *актуальность* темы плена как явления, сопровождающего любой военный конфликт, обусловлена непрекращающимися вооруженными столкновениями, происходящими на протяжении истории. Плен – это явление многомерное, затрагивающее различные государственные структуры, военные силы, уровень культурной и дипломатической коммуникации между государствами, поэтому изучение плена как одного из аспектов военной антропологии позволит исследователям расширить тематическое поле истории и антропологии войны.

Целью нашей работы является выявление определенных категорий пленных, захваченных византийскими войсками и определение возможных вариантов их дальнейших судеб в период с IX по XII вв.

Приступая к аналитической части работы, нам необходимо дать определения центральным для нас терминам. 1) *Плен* – это временное или в некоторых случаях пожизненное состояние ограничения свободы человека при котором он не имеет возможности покинуть место своего содержания и свободно передвигаться. В отношении людей плен может быть представлен арестом или захватом и дальнейшим содержанием под стражей или надзором. 2) *Пленник* или *пленный* – это человек, чья свобода временно или пожизненно ограничена в результате их захвата во время военных столкновений. В рамках настоящего исследования термин пленники или пленные мы будем использовать для *обобщенного названия* тех людей, которые были захвачены в плен византийской армией вне зависимости от их социальной, профессиональной (комбатанты, некомбатанты, мирные жители) и конфессиональной принадлежности. Для обозначения профессиональных воинов, которые были захвачены в ходе битвы, во время осады городов или сезонных набегов мы будем использовать термин *военнопленные*. К их числу относятся как комбатанты, так и некомбатанты – то есть те лица, деятельность которых связана с военной подготовкой, стратегией или обеспечением провизией, но непосредственного участия в битвах они не принимали.

Типология византийских пленников

Византийские авторы обозначали акт пленения (как военных, так и мирных жителей) глаголами αἰχμαλωτίζω (брать в плен), ἀνδραποδίζω (обращать или продавать в рабство), δουλόω (покорять, обращать в рабство), ζωγρεῶ (брать живьем, захватывать в плен), ἀρπάζω (захватывать), λαμβάνω (хватать, брать с собой, уводить), αἰρέω (хватать, захватывать), χειρόω (завладеть, захватывать в плен, пленять) и их производными. Пленник мог обозначаться терминами αἰχμάλωτος (добытый в бою, захваченный на войне), ἀνδραποδων (обращенный в рабство военнопленный), δοριάλωτος (добытый копьем, захваченный на войне) или же просто – δοῦλος и ψυχάριον (раб)¹. Взятие в плен было достаточно распространенной практикой для Византийской империи, а потому обыденный характер этого явления предопределил редкое упоминание, а порой, и полное отсутствие упоминаний о пленных как об участниках исторического процесса в военных трактатах, законодательных актах и в исторических сочинениях рассматриваемого нами периода. Показателем сложности изучения византийского плена является также использование клишированных, однотипных и довольно абстрактных упоминаний о присутствии пленников в различных источниках.

Особая тактика массового взятия противников в плен сложилась еще в рамках античной военной истории и была обоснована в рамках теории «золотого моста», которая гласит, что поверженных

¹ Шукуров 2020, 15.

врагов не следует лишать возможности для спасения бегством, а напротив, необходимо создать для них все условия для бегства². Ее объяснение сводится к тому, что окруженное войско противника способно к быстрому сплочению перед угрозой смерти, к отчаянному безрассудству и героизму³, в то время как разрозненные группы или отдельный человек, поддавшиеся панике, являются более легкой добычей, более того, оставшись один на один с врагом, победители сражения имели возможность получить важную стратегическую информацию о численности армии противника или о дальнейших планах наступления. Эта теория действительно находит свое подтверждение в некоторых византийских источниках. Наиболее известный сюжет – история взятия византийцами Крита под командованием Никифора Фоки в 960 году, которая была описана Львом Дьяконом во Второй книге его «Истории»: «[Критяне], вспомнив о том, что грозит им пленение и рабство, плотно сомкнули строй, с поразительным мужеством встретили устремившуюся через пролом в стене фалангу ромеев и, презирая опасность, с нечеловеческой яростью вступили в бой за свою жизнь. [...] и враги обратились в бегство, рассыпавшись по узким проходам между домами»⁴.

Византия, как преемница Римской империи во многом следовала ее военным традициям и тактике. Этот тезис касается и порабощения захваченных противников, которые являлись основным источником рабства в Римской империи, а следовательно, захваченные в плен во время войн противники практически сразу приобретали статус раба. В дальнейшем их судьба могла развиваться в трех направлениях: во-первых, это призыв на военную службу, во-вторых, работа в поместьях богатых римлян и, в-третьих, – работа в домашних хозяйствах⁵. В Византийской империи практиковалась обратная система: попадая в плен, человек не становился рабом сразу же, а пленение необязательно приводило к порабощению и последующей продаже пленника – его могли выкупить или обменять, т.е. освободить⁶.

Ю. Ротман⁷ выделил четыре типа пленных в Византийской империи: 1) это профессиональные солдаты, взятые в плен во время проведения военных действий, 2) во-вторых, это жители конкретного города или региона, которые были захвачены врагом (в данном случае,

² Кучма 1984, 92.

³ Там же. 92.

⁴ Лев Диакон 1988, 18.

⁵ Basta 2017, 56.

⁶ Прим. автора: более подробно о различиях статуса раба и пленника: Rotman 2012, 25-46.

⁷ Юваль Ротман (Yuval Rotman) – израильский ученый, историк, темой исследования которого является византийское рабство. Он один из немногих ученых, который уделил достаточно пристальное внимание изучению присутствия византийских пленников в повседневной жизни и определил их место в системе работорговли в пределах Средиземноморского мира.

византийцами) после военного поражения, 3) население, захваченное во время набегов и кратковременных локальных столкновений, 4) и последний тип – это лица, захваченные пиратами⁸. В основе типологизации Ю. Ротмана лежат условия захвата и одновременно профессиональная деятельность (солдаты или мирные жители). Вторая и третья группы могут показаться схожими, однако, не являются одинаковыми по своей сути. Вторая категория отличается тем, что захват происходит сразу после поражения врага – либо в результате какого-либо сражения, либо после удачной осады города или иного населенного пункта. К третьей категории относятся те пленные, которые были захвачены во время боя и вынуждены наравне с военной добычей перемещаться с вражеской армией по мере развития военных действий на линии фронта. Четвертая категория пленников, на наш взгляд, наиболее сложна для изучения. Это связано с тем, что большинство пиратов, как византийских, так и мусульманских, редко отождествляли себя с существующей властью, а соответственно, ей не подчинялись.

Мы имеем возможность расширить предложенную Ю. Ротманом типологию и выделить еще одну категорию – это почетные пленники, к которым относились высокопоставленные чиновники, эмиры или губернаторы, знатные лица вражеской стороны, которые были взяты византийцами во время военных действий. Обособление категории «привилегированных» пленников поможет выявить особенности их статуса на территории Византии, их возможности в условиях ограничения свободы, более того, пребывание почетных пленников на территории империи являлось значительным преимуществом для византийских правителей как во время переговоров, так и во время процессов обмена пленными. Наглядным примером почетного пленника может являться сводная сестра болгарского царя Бориса I (прав. 852-889 гг.) – Анна, дочь Персиана. В IV книге жизнеописания царей содержатся сведения о том, что Анна была захвачена ромеями и содержалась при императорском дворе, где ее обучили грамоте⁹, и, соответственно, основам христианского вероучения. Анна добровольно приняла христианскую веру, находясь в Византии, что впоследствии в значительной степени повлияло на решение Бориса I о крещении Болгарии.

Почетные пленники близки по статусу почетным заложникам, которых мы не можем напрямую отнести ни к группе пленных, ни к группе дипломатов или послов, поскольку они обладали личной свободной, подчинялись напрямую императору, имели ряд привилегий по сравнению с почетными пленными, и при этом являлись гарантом соблюдения каких-либо договоренностей. Их также отличал от статуса пленника и тот факт, что они проживали на территории императорского дворца в соответствующих их статусу условиях, имели

⁸ Rotman 2009, 27.

⁹ Продолжатель Феофана 1992, 72.

право на получение качественного образования. Отличительной и, пожалуй, главной чертой почетных заложников являлся договорной характер их пребывания в Византии – то есть правители самостоятельно выбирали кандидатуру почетного пленника вне военных действий. В рамках настоящего исследования, нам необходимо отметить данную категорию, но в силу того, что почетные заложники не имели взаимодействия с вооруженными силами, мы подробно останавливаться на них не будем

Необходимо также отметить такую категорию лиц, как перебежчики, которые могли быть отнесены к лицам, попавшим в плен по «собственной воле», а не в результате целенаправленного захвата или договоренностей между правителями. О перебежчиках нам сообщает Кевкамен¹⁰ и выделяет среди них тех, кто перебежал «по хитрости или по замыслу врагов» и тех, кто «надеялся на благодеяния» византийских генералов. Тактика действия с такими людьми была схожа с той, которая применялась в отношении пленных, поскольку изначально к ним не было сформировано доверия. Формально перебежчики могли получить свободу, но как минимум до окончания военных действий оставались под присмотром армии. К сожалению, в источниках информация о перебежчиках встречается очень редко, и нам доступны лишь военные трактаты, которые описывают тактику поведения по отношению к ним.

При работе с различными категориями пленных Византийской империи, нам необходимо понимать, что это деление носит условный характер и является вспомогательным элементом для нашей работы, а применение их для аналитической части нашего исследования обусловлено стремлением выявить особенности отношения византийцев к захваченным в плен людям в зависимости от их социального, правового и религиозного статуса. Более того, мы можем предположить, что обстоятельства захвата в плен могли влиять на дальнейшую судьбу пленных.

Путь пленного: пограничные темницы, статус крестьянина и служба в императорском дворце

В рамках нашего исследования мы стремимся воссоздать наиболее точные образы пленников в Византийской империи, поэтому особенно важным является рассмотрение вариантов их судеб на конкретных примерах – то есть в данном разделе нас интересует вопрос о том, что происходило после пленения и возможно ли выделить какие-либо закономерности в византийской системе по отношению к пленным.

Первым, и, вероятно, определяющим этапом пребывания иностранцев в плену Византийской империи было их участие в триумфальных шествиях стратигов. Стратиги после окончания

¹⁰ Кевкамен 2003, 139.

военных кампаний или сражений отбирали наиболее сильных и крепких пленных для предстоящего участия в триумфах¹¹. Подобный отбор обусловлен желанием военной администрации продемонстрировать военные успехи и силу империи жителям столицы. Пленные, по-видимому, рассматривались как самая большая и значительная часть военной добычи, которую можно было использовать в качестве стимула и награды для тех солдат, которые наиболее ярко проявили себя в походах. Более подробные описания и функции триумфальных процессий с участием пленных мы можем найти в «Истории» Никиты Хониата¹², «Истории» Льва Диакона¹³, свидетельствах пребывания Харуна Ибн Яхьи в Константинополе¹⁴ и др. Последний в частности упоминал о существовании обычая, который проходил за Золотыми воротами, около сводчатого моста. Там было две статуи, два талисмана – одна подает знак рукой: «Иди сюда», другая как будто говорит: «Подожди немного». Пленников приводят и помещают между статуями, одновременно гонец отправляется уведомить об этом императора. Если к моменту возвращения гонца пленники останутся, то их приведут в тюрьму, но если гонец увидит, что они прошли за статуи, то пленники будут убиты и никто из них не останется в живых¹⁵. В византийских источниках информация о такой практике ранее не встречалась. Можно предположить, что отход от статуй символизировал своеобразную попытку побега и непокорности византийской администрации, поэтому пленники, оставаясь на месте, демонстрировали таким образом смирение и готовность подчиниться византийской власти.

В ходе работы с источниками нами было выявлено множество факторов и практик, определявших судьбу пленников после их захвата. Наиболее распространенной практикой в период IX-XII вв. в отношении пленных являлось *ожидание выкупа* или *обмена* между враждующими сторонами – либо в Константинополе, либо на пограничных территориях. Именно с византийским государством, и в частности с VIII в. обмен пленными появился как политический акт в рамках дипломатических практик между Византией и Халифатом¹⁶. Отличительными особенностями сюжетов с обменом и выкупом пленных являлись организация специальных посольств, которые занимались утверждением места обмена, даты, и самое главное для нас – это *возвращение их на родину*.

Такое развитие событий ожидало высокопоставленных лиц и их родственников¹⁷, поскольку именно за таких людей можно было получить либо большее количество плененных мусульманами

¹¹ Лев Диакон 1988, 18.

¹² Никита Хониат 1860, Т. 1-2.

¹³ Лев Диакон, 19, 21, 114.

¹⁴ Vasiliev 1944, 161.

¹⁵ Там же. 161.

¹⁶ Rotman 2012, 224.

¹⁷ Два византийских военных трактата конца X века 2002, 210.

соотечественников, либо значительную сумму выкупа и компенсации. В качестве примера такого пленника мы можем назвать Абу Фираса аль-Хамдани¹⁸. Прежде всего, необходимо отметить, что Абу Фирас принадлежал к правящему в Алеппо роду Хамданидов и являлся двоюродным братом эмира Сайфа ад-Даулы¹⁹, который впоследствии назначил его комендантом в одну из пограничных с Византией крепостей Манбидж²⁰. Р. Дворжак указывает, что Абу Фирас дважды побывал в плену византийцев²¹ – в 959 г. и с 962 по 966/967 гг. со ссылкой на арабского историка XIII века Ибн Халликана. Более современное исследование А. Коли-Дермицаки указывает на то, что Абу Фирас побывал в плену в Константинополе лишь единожды на протяжении четырех лет с 962 по 966 гг.²². Помимо политического статуса и кровного родства Абу Фираса с эмиром, его также выделял род деятельности, благодаря которому до нашего времени сохранилась информация о нем – Абу Фирас был поэтом, а главный труд «Румийят»²³ – сборник стихотворений, который он написал как раз во время своего пленения в Константинополе.

Об обстоятельствах его пленения известно, что во время столкновения Абу Фираса с византийскими всадниками, его спутники посоветовали ему бежать, однако он отказался, так об этом писал сам поэт: *«Напрасно товарищи в голос твердили: «Беги! // Жесточкой расправой тебе угрожают враги» ... Свидетелем будь: изо всех угрожавших мне зол // Я то, что всего безобиднее, - плен, - предпочел»*²⁴. Можно предположить, что сдача в плен стала осознанным выбором, поскольку практика выкупа пленных была широко известна, также на решение могло повлиять серьезное ранение героя. Подобная формулировка поэта может обоснована и тем, что уже к середине IX века для Византийской империи было характерно особое отношение к знатным пленным, которые занимали высокие посты в своих землях, поэтому вероятность выкупа была достаточно высока, что подтверждается примером Абу Фираса. Ему, как почетному пленнику и представителю знатного рода, был предоставлен отдельный дом и даже «партизан»-мусульманин из числа пленных²⁵, в функции которого входила в том числе и доставка писем. Переговоры об обмене Абу Фираса на некоторых греческих пленников, которые находились у Сайф ад-Даулы, начались практически сразу по прибытию поэта в Константинополь, однако инициатива не была поддержана с арабской стороны, вероятно, по причине нестабильной политической ситуации в

¹⁸ Прим. автора: Абу Фирас аль-Хамдани – арабский государственный деятель и поэт, побывавший в византийском плену (932-968 гг.).

¹⁹ Прим. автора: Сайф ад-Даула – эмир Алеппо в период 945-967 гг.

²⁰ Арабская поэзия средних веков 1975, 709.

²¹ Dvorak 1895, 97

²² Kolia-Dermizaki 2002, 144.

²³ Прим. автора: от араб. «рум» – собирательное название византийцев или греков.

²⁴ Арабская поэзия средних веков 1975, 428.

²⁵ Dvorak 1895, 101.

эмирате и захвата столицы эмирата – Алеппо византийцами под предводительством Никифора Фоки в 962 г. Спустя 4 года, в 966 г. поэт смог вернуться на родину в результате общего обмена пленными в Самосате.

Известны случаи, когда захваченным в плен *знатым людям даровали свободу ради достижения личных внешнеполитических целей*, так, например, поступил Иоанн I Цимисхий в отношении царя Болгарии – Бориса II и его семьи, которых доставили к императору после взятия Преслава в 971 г.²⁶ Несмотря на должное уважение, император лишил Бориса имперских знаков отличия и в качестве компенсации за «упразднение» его государства даровал ему придворный титул магистра. Всех взятых во время кампании в плен болгар император Иоанн приказал отпустить, предоставив им свободно идти, кто куда захочет²⁷. Однако это не обозначало, что Борис мог самостоятельно вернуться в Болгарию и продолжить исполнять функции царя, поскольку территория Болгарии уже была подчинена византийскому императору. Формальное разрешение покинуть империю и освободиться от статуса почетного пленника Борис получил лишь после того, как болгары предприняли несколько военных набегов на территорию Византии. Таким образом, византийская администрация прибегла к хитрости для обеспечения безопасности на пограничных территориях. Цель империи заключалась в том, чтобы вызвать раскол между теми, кто поддерживал династию Комитопулов и теми, кто являлся сторонником рода Крумов, к которому принадлежал Борис II.

У пленных, не имеющих высоких титулов, вероятность выжить в плену тоже была. «Тактика» Льва Мудрого это подтверждает: пленников не следует убивать до окончательного исхода военных действий, поскольку их впоследствии можно обменять на более выгодные условия мира²⁸. Очевидным является факт существования серьезных различий между содержанием почетных пленных и пленных, не имеющих высокого статуса и влияния.

Вероятнее всего, пленных, захваченных во время сезонных набегов и мелких пограничных столкновений, *содержали в темницах*, которые располагались под крепостями – это были общие камеры, подобные тем, что описаны Ибн Хордадбехом²⁹ в «Книге путей и стран». По своему устройству они представляли собой подземные хранилища под крепостями, арабы называли их «матмура»³⁰, они предназначались для пленных или христианских рабов³¹. Другой

²⁶ Лев Диакон 1988, 72.

²⁷ Там же. 125

²⁸ Лев VI Мудрый 2012, 248.

²⁹ Прим. автора: Ибн Хордадбех – мусульманский географ, путешественник IX – начала X вв., автор труда «Книга путей и стран», который является примером арабской описательной географии.

³⁰ Прим. автора: с араб. *مَطْمُورَةٌ* – потайное место, погреб.

³¹ Ибн Хордадбех 1988, 284.

арабский географ – Ибн Хаукаль³² упоминает тюрьмы для пленных мусульман в фемах Фракисий, Опсикий и Вукелларий³³. Можно предположить, что эти места являлись временным пунктом размещения пленных, которых содержали там до окончания военных действий, а затем организовано перемещали в столицу для решения их дальнейшей судьбы и, в том числе, для участия в торжественных церемониях, посвященных демонстрации военных успехов византийских стратигов. Следующим этапом их пребывания в столице, вероятно, было размещение в тюрьмах, где содержались как политические преступники, так и пленные.

Харун Ибн Яхья – один из почетных пленников Византийской империи последней четверти IX в. сохранил свидетельства своего пребывания в плену, которое включает в себя не только описание столицы, но и обычаи и византийского императорского двора. Он сообщает нам о существовании на территории императорского дворца четырех помещений, отведенных для содержания и надзора за пленными – тюрьма для мусульман, для жителей Тарса, для простых людей и помещение для начальника стражи³⁴. Мы можем предположить, что те пленные, которые содержались при дворе императора ожидали выкупа или обмена пленными. Зачастую те пленные, которые находились на территории дворца становились участниками христианских праздников и банкетов при императоре. Целью их присутствия на подобных мероприятиях являлось убеждение или склонение к принятию христианства³⁵.

Это являлось важной частью византийской политики по отношению к пленным и носило название *культурной ассимиляции*. Эта практика могла применяться как к военным, так и к мирным жителям, попавшим в плен. Вероятно, основным и главным условием сохранения жизни и дальнейшего безопасного пребывания иностранных пленников на территории империи было принятие христианства.

Широко известно, что среди захваченных в плен людей находились женщины и дети³⁶, для которых в Константинополе были организованы специальные учреждения. Для детей, оставшихся без родителей – специальные детские дома, для женщин – приюты и богадельни. Анна Комнина сообщает о реорганизованном ее отцом Алексеем I Комниным сиротским приютом³⁷, где дети варваром имели возможность получить знания о греческом языке и об основах христианской религии.

³² Прим. автора: Ибн Хаукаль – мусульманский географ, путешественник X в., автор труда «Книга путей и стран», который является примером арабской описательной географии.

³³ Шукуров 2017, 136

³⁴ Vasiliev 1944, 156.

³⁵ Прим. автора: подробнее Simeonova 1998.

³⁶ Al-Tabari 1985, 97.

³⁷ Шукуров 2020, 19

Для пленных *принятие христианства* являлось в какой-то степени способом обретения личной свободы, поскольку таким образом они избегали тюрьмы и могли быть переселены в отдаленные фемы империи, либо продолжать службу на стороне Византии. Никита Хониат сообщает, что порой количество пленных, принявших христианство было настолько велико, что они могли составлять целые селения единоплеменцев³⁸. Бывшие пленные, которые попали под политику расселения, были обложены податью, могли вступать в браки и владеть землей.

В отношении некоторых военнопленных известны случаи, когда попадая в Константинополь, они переходили на сторону Византии и поступали на военную службу. Подобный случай был описан Лиутпрандом Кремонским, когда 40 венгров, захваченных в плен византийцами близ Константинополя по указанию Никифора были освобождены из заключения. Никифор даровал им свободу и, украсив самыми дорогими одеждами, сделал своими телохранителями и защитниками, а затем взял с собою против ассирийцев³⁹. Такой же сюжет описал Лев Диакон – последний эмир острова Крит Абд аль-Азиз и его сын, известный византийцам под именем Анемас⁴⁰ были схвачены византийцами во время отвоевания острова в 961 г. и доставлены в Константинополь. Там они приняли участие в триумфальном шествии завоевателя и будущего императора Никифора II Фоки⁴¹. Поселившись в столице, Анемас обратился в христианство и присоединился к византийской армии в качестве имперского телохранителя. Лев Диакон, продолжая эту историю сообщает, что во время сражения с русами под предводительством Святослава, Анемас убил Икмора – знатного скифского воина, и сражаясь в первых рядах армии, сбил с коня Святослава, ударив его мечом по ключице⁴². Отметим, что ранее плененные телохранители в двух случаях не сражались против венгров и арабов, соответственно. Вероятно, что это Никифор II Фока предусмотрел, беря с собой хорошо подготовленных воинов не византийского происхождения, чтобы лишить их возможности вернуться на родину.

Бывшие пленники имели *возможность нести службу* не только на поле боя, но и *в императорском дворце*, – занимать высокие должности наряду с теми, кто принадлежал к знатным семьям. Здесь наиболее известным и хорошо изученным примером является евнух арабского происхождения Самона, который стал впоследствии одним из самых влиятельных чиновников при дворе. Его отец, вероятно, был послом в Византии и занимался вопросами по организации обмена

³⁸ Никита Хониат 1860, 21

³⁹ Лиутпранд Кремонский 2006, 140.

⁴⁰ Прим. автора: полное имя Аль-Нуман ибн Абд аль-Азиз ибн Шуайб ибн Умар аль-Куртуби.

⁴¹ Kaldellis 2017, 37.

⁴² Лев Диакон 1988, 80.

пленными между Византией и Халифатом. При неизвестных обстоятельствах, Самона был захвачен византийцами и поступил на службу в дом Стилиана Заутцы, однако после его смерти Самона раскрыл планы семьи Заутцы по свержению императора и все члены семьи были лишены своих титулов и состояния, а Самона был вознагражден – ему даровали треть состояния семьи и приняли на службу в императорском дворце кубикюларием. Позднее, в 906 г. Самона стал крестным отцом будущего императора Константина Багрянородного⁴³, этот факт говорит нам о том, что Самона, поступив на службу в Византии, вероятно, принял христианство.

На основании приведенных примеров мы можем заключить, что система византийского плена и политики в отношении пленных была достаточно гибкой, а принятие христианства становилось своеобразным социальным лифтом и возможностью построения военной или чиновнической карьеры.

Конечно, наименее благоприятным, но достаточно распространенным вариантом судьбы пленных являлась *продажа в рабство* или *передача их в знатные византийские семьи или дома* в качестве слуг. Подобные формулировки неоднократно встречаются в труде Льва Диакона «разграбив их, обратив жителей в рабство, он [Никифор II Фока] без кровопролития подавил всякое сопротивление»⁴⁴ (о взятии острова Крит), «покорив город, Никифор обратил всех оставшихся в живых варваров в рабство»⁴⁵. По сообщению Иоанна Скилицы, Лев Фока Младший, победив Хамвдана, эмира Халепа, отправил «в город [Константинополь] такое множество пленных, что наполнялись рабами и городские дома, и поля»⁴⁶. По мнению А. П. Каждана к X в. военнопленных далеко не всегда превращали в рабов⁴⁷, а наиболее частой практикой становится именно расселение их в качестве свободных крестьян, и служба в хозяйствах стратиотов и гражданского населения.

Важным аспектом, который, вероятно, предопределял дальнейшую судьбу пленников, являлось личное отношение правителей к этой категории людей. Разница во взглядах очевидна при сравнении двух сюжетов. Согласно сообщениям Кевкамена, Василий II захватил у Беласицы 15000 болгар, он приказал ослепить пленных, оставив на каждую сотню по одному поводырю с одним глазом, а затем направить искалеченных воинов к царю Болгарии – Самуилу. Жестокость, с которой император вел войну в Болгарии, принесла ему прозвище Βουλγαροκτόνος — Болгаробойца⁴⁸. К концу XI века во время правления Алексея Комнина мы наблюдаем противоположную ситуацию –

⁴³ Tougher 1997, 198.

⁴⁴ Лев диакон 1988, 19.

⁴⁵ Там же. 12.

⁴⁶ Там же 111.

⁴⁷ Каждан 1960, 78

⁴⁸ Кевкамен 2003, 372

Византия, объединившись с половцами, вступила в сражение против печенегов, многие из которых в результате битвы были пленены, на 30 пленных печенегов приходился один римский воин; один из полководцев по имени Синесий высказал опасения о том, что пленные ночью могут поднять мятеж и перебить византийских воинов, поэтому пленным необходимо убить. Император, сурово взглянув на Синесия, сказал: «Враги тоже достойны сострадания». Несмотря на приказы императора, воины убили почти всех пленных. Подозрения пали на Сенесия, которого по приказу Алексея Комнина заключили в оковы⁴⁹. Такой шаг говорит нам о сочувствии императора к пленникам, его соучастию к их судьбам, поскольку люди, попавшие в плен, среди которых были не только военные, стали своеобразными заложниками военных действий в глазах императора.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что Византия прошла длинный путь к гуманизации плена, и соответственно, к более гуманному отношению к пленным. К середине X в. исследователи отмечают значительное смягчение политики Византии по отношению к пленникам, которые находились на территории империи. Несмотря на это, важно помнить, что большая часть пленных погибала ещё в ходе военных действий от полученных ранений, либо в пути в столицу. Тех же, кто выжил, ожидало множество этапов и процедур, определявших их дальнейшую судьбу. Поэтому, изучая вопросы людей, которые оказались в плену Византии, нам необходимо также учитывать те сюжеты, которые раскрывают личное отношение императоров не только к военным действиям, но и характер их власти, их осведомленность в области религиозного образования, особенно если речь идет о мусульманских пленниках.

Дальнейшая судьба захваченных в плен людей во многом зависела от итогов военного конфликта, от условий перемирия, значительную роль играли также идеологическое и психологическое состояние армии. Мы можем говорить о том, что, несмотря на зависимое состояние человека, попавшего в плен, он оставался частью военного конфликта, а в случае проведения мероприятий по обмену пленниками, переходил в сферу дипломатических отношений, либо попадал в рабство, либо встраивался в экономику и хозяйство захватившей его стороны благодаря политике заселения отдаленных от центра территорий без возможности возвращения на родину.

Перед современными исследователями стоит важная задача, которая заключается в восстановлении лакун в истории византийских пленников в условиях ограниченной источниковедческой базы. В процессе изучения было выявлено, что к настоящему времени нам остаются неизвестными многие аспекты пребывания иностранцев в

⁴⁹ Анна Комнина 1996, 238.

плену Византии, например, конкретные условия содержания каждой категории пленников, условия их лечения в случае болезни и порядок действий в случае их смерти.

В целом, изучение плена представляется весьма перспективным направлением, особенно, при привлечении не византийских источников – это позволит сопоставить имеющиеся сведения о численности пленных, условиях их обмена и содержания, а рассмотрение пленных, например, как части военной или религиозной политики империи позволит нам в будущем не только расширить методологическую базу исследований плена, но и привлечь вспомогательные исторические науки и антропологию в целом.

Библиография

- Анна Комнина. 1996. *Алексиада*. СПб.: Алтейя.
- Арабская поэзия средних веков. 1975. М.: Художественная литература.
- Два византийских военных трактата конца X века. 2002. СПб.: Алтейя.
- Ибн Хордадбех. 1988. *Книга путей и стран*. Баку: Эм.
- Каждан, А.П. 1960. *Деревня и город в Византии IX-X вв. Очерки по истории византийского феодализма*. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Кевкамен. 2003. *Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века*. СПб.: Алтейя.
- Кучма, В.В. 1984. Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины. *Античная и средневековая идеология*: 79-95.
- Лев VI Мудрый. 2012. *Тактика Льва*. СПб.: Алтейя.
- Лев Диакон. 1988. *История*. М.: Наука.
- Лиутпранд Кремонский. 2006. *Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь*. М.: SPLS – Русская панорама.
- Никита Хониат. 1860. *История*. Т. 1-2. СПб.: Типография Григория Трусова.
- Продолжатель Феофана. 1992. *Жизнеописания византийских царей*. СПб.: Наука.
- Шукуров, Р.М. 2017. *Тюрки в византийском мире (1204-1461)*. М.: Издательство Московского университета.
- Шукуров, Р.М. 2020. Богословская экзегеза на практике: пленники, филантропия и византийский миссионеризм. *Византийский временник 104*: 13-33.
- Al-Tabary. 1985. *The History of al-Tabary*. Vol. 38. NY.: The State University of New York Press.
- Basta, H. 2017. Slaves, Coloni, and Status Confusion in the Late Roman Empire. *Journal of the National Collegiate Council 18*. Lincoln: University of Nebraska.
- Dvorak, R. 1895. *Abu Firas, ein arabischer Dichter und Held*. Leiden: E.J. Brill.
- Kaldellis, A. 2017. *Streams of Gold, Rivers of Blood: The Rise and Fall of Byzantium, 955 A.D. to the First Crusade*. NY: Oxford University Press.
- Kolia-Dermitzaki, A. 2002. The Execution of the Forty-two Martyrs of Amorion: Proposing an interpretation. *Al-Masaq Islam and the Medieval Mediterranean 14*: 141-162.
- Rotman, Y. 2009. *Byzantine slavery and the Mediterranean world*. Camb.: Harvard University Press.

- Rotman, Y. 2012. Captif ou Esclave? The Market in Captives and Slaves in Byzantium and Fatimid Egypt. *Les esclavages en Méditerranée, Collection de la Casa de Velázquez* 133: 25-46.
- Rotman, Y. 2012. Captives and redeeming captives: the law and the community. *Judaea-Palaestina, Babylon and Rome: Jews in Antiquity IX*: 223-243.
- Simeonova, L. 1998. In the depths of tenth-century Byzantine ceremonial. The treatment of Arab prisoners of War at imperial banquets. *Byzantine and Modern Greek Studies* 22: 75-104.
- Tougher, S. 1997. *The reign of Leo VI (886-912); Politics and people*. NY.: Brill.
- Vasiliev, A.A. 1944. Harun-Ibn-Yahya and his description of Constantinople *Seminarium Kondakovianum* 5: 149-164.

References

- Anna Komnina. 1996. *Aleksiada*. SPb.: Alteia. (In Russian).
- Arabskaia poeziia srednikh vekov. 1975. M.: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).
- Dva vizantiiskikh voennykh traktata kontsa X veka. 2002. SPb.: Alteia. (In Russian).
- Ibn Khordadbekh. 1988. *Kniga putei i stran*. Baku: Elm. (In Russian).
- Kazhdan, A.P. 1960. *Derevnia i gorod v Vizantii IX-X vv. Ocherki po istorii vizantiiskogo feodalizma*. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Kevkamen. 2003. *Sovety i rasskazy. Pouchenie vizantiiskogo polkovodtsa XI veka*. SPb.: Alteia. (In Russian).
- Kuchma, V.V. 1984. Ideologicheskie printsipy rannevizantiiskoi voennoi doktriny. *Antichnaia i srednevekovaiia ideologiya*: 79-95. (In Russian).
- Lev VI Mudryi. 2012. *Taktika L'va*. SPb.: Alteia. (In Russian).
- Lev Diakon. 1988. *Istoriia*. M.: Nauka. (In Russian).
- Liutprand Kremonskii. 2006. *Antapodosis; Kniga ob Ottone; Otchet o posol'stve v Konstantinopol'*. M.: SPLS – Russkaia panorama. (In Russian).
- Nikita Khoniati. 1860. *Istoriia*. T. 1-2. SPb.: Tipografiia Grigoriia Trusova. (In Russian).
- Prodolzhatel' Feofana. 1992. *Zhizneopisaniia vizantiiskikh tsarei*. SPb.: Nauka. (In Russian).
- Shukurov, R.M. 2017. *Tiurki v vizantiiskom mire (1204-1461)*. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Shukurov, R.M. 2020. Bogoslovskaiia ekzegeza na praktike: plenniki, filantropiia i vizantiiskii missionizm. *Vizantiiskii vremennik* 104: 13-33. (In Russian).
- Al-Tabary. 1985. *The History of al-Tabary*. Vol. 38. NY.: The State University of New York Press.
- Basta, H. 2017. Slaves, Coloni, and Status Confusion in the Late Roman Empire. *Journal of the National Collegiate Council* 18: 47-75.
- Dvorak, R. 1895. *Abu Firas, ein arabischer Dichter und Held*. Leiden: E.J. Brill.
- Kaldellis, A. 2017. *Streams of Gold, Rivers of Blood: The Rise and Fall of Byzantium, 955 A.D. to the First Crusade*. NY: Oxford University Press.
- Kolia-Dermizaki, A. 2002. The Execution of the Forty-two Martyrs of Amorion: Proposing an interpretation. *Al-Masaq Islam and the Medieval Mediterranean* 14: 141-162.
- Rotman, Y. 2009. *Byzantine slavery and the Mediterranean world*. Camb.: Harvard University Press.

- Rotman, Y. 2012. Captif ou Esclave? The Market in Captives and Slaves in Byzantium and Fatimid Egypt. *Les esclavages en Méditerranée, Collection de la Casa de Velázquez* 133: 25-46.
- Rotman, Y. Captives and redeeming captives: the law and the community. *Jewish and Christian Communal Identities in the Roman World*: 223-243.
- Simeonova, L. 1998. In the depths of tenth-century Byzantine ceremonial. The treatment of Arab prisoners of War at imperial banquets. *Byzantine and Modern Greek Studies* 22: 75-104.
- Tougher, S. 1997. *The reign of Leo VI (886-912); Politics and people*. NY.: Brill.
- Vasiliev, A.A. 1944. Harun-Ibn-Yahya and his description of Constantinople *Seminarium Kondakovianum* 5: 149-164.

Об авторе

Грозова Вера Андреевна, магистрант 2 года обучения Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

About the author

Vera A. Grozova, 2-year Master's student of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Поступила в редакцию: 01.03.2022

Принята к публикации: 21.06.2022

Submitted: March 1, 2022

Accepted: June 21, 2022